

Г.В. Нестеренко

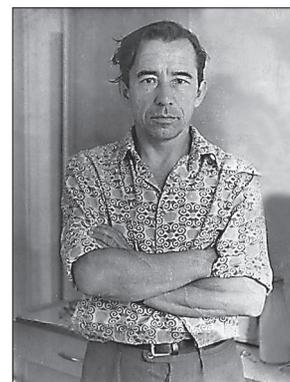
ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ ОСНОВАТЕЛЕЙ НАШЕГО ИНСТИТУТА

По окончании МГРИ в 1950 г. я был направлен в Уральское управление по добыче алмазов «Уралалмаз» системы МВД СССР, где проработал восемь лет на различных должностях – от прораба-геолога поисковой партии до главного геолога прииска и старшего геолога геолого-разведочной экспедиции. Занимался разработкой, разведкой и поисками алмазоносных россыпей, а в течение последних нескольких лет – тематическими исследованиями по установлению источников их питания. Эти годы были для меня успешными, но я постоянно ощущал потребность углубления своих знаний: хотелось подучиться у опытного «седовласого» профессора, работая непосредственно под его руководством. Причем поучиться несколько лет, а затем вернуться на производство более опытным специалистом.

Поэтому оказаться в геохимической лаборатории такого умудренного опытом профессора, члена-корреспондента АН СССР Феликса Николаевича Шахова было для меня большой удачей, хотя и определенным риском в житейском плане. Имея на иждивении трех малолеток, я с большой зарплаты старшего геолога экспедиции переходил на мизерный оклад младшего научного сотрудника. Осуществить это желание помог случай и рекомендация моего институтского друга И.П. Тихоненкова, ученого секретаря ИМГРЭ. С ним Феликс Николаевич в 1958 г. советовался по организации геохимических исследований в формировавшемся в то время ИГиГ. Так я стал свидетелем и участником более чем 50-летней истории нашего института. Посчастливилось общаться в разных, в том числе внеинститутских, ситуациях с некоторыми нашими учеными-основателями. Это общение позволило набросать штрихи к их портретам.

Феликс Николаевич Шахов полностью отвечал моим представлениям об образе учителя в самом высоком значении этого слова. Учителя строгого, но справедливого и очень доброжелательного к своим ученикам – его сотрудникам, преимущественно молодым и начинающим самостоятельную трудовую деятельность. Помню такой случай. По возвращении из московской командировки с совещания по методам изучения осадочных пород я делал сообщение на лабораторном семинаре. Излагая суть одного из заслушанных докладов по использованию ультразвука для дезинтеграции горных пород, я позволил себе чересчур скептическое и пренебрежительное замечание по поводу емкости (старой кастрюльки), использованной в процессе проведения эксперимента. Мой выпад профессору не понравился, и он не преминул разъяснить мне (и, естественно, всем участникам семинара), что важна теоретическая суть эксперимента, а не внешний вид используемой емкости.

Феликс Николаевич довольно часто обращался к высказываниям литературных классиков типа «подписано, так с плеч долой». На одном из первых лабораторных семинаров по итогам полевых работ, комментируя наше с В.М. Цибульчиком сообщение, он напомнил сказку Л.Н. Толстого о

Д.г.-м.н. Г.В. Нестеренко

К.г.-м.н. В.М. Цибульчик
(1936–2002)

двух лягушатах, которые попали в крынку с молоком и повели себя в «экстремальной» ситуации по-разному. Вероятно, желая подбодрить, он сравнил нас с лягушонком, который долго барахтался, сбив молоко в масло, и в конце концов выбрался из крынки. Но при этом Ф.Н. избегал мелочной повседневной опеки и предоставлял возможность молодому сотруднику «научиться плавать и суметь доплыть до земли обетованной».

После окончания очередной темы по ильменито-цирконовым россыпям и сдачи отчета, который я намеревался быстренько переделать в кандидатскую диссертацию, Феликс Николаевич, наверняка не зная о моем намерении, предложил мне заняться изучением поведения золота в осадочном процессе. Он считал, что это поможет решить проблему генезиса древних золотоносных конгломератов, которой в то время занимался Ф.П. Кренделев. В беседе он обратил мое внимание на то, что результаты предлагаемых исследований – хорошая кандидатская диссертация. Я, конечно, согласился проводить исследования, но сказал ему, что считаю, что кандидатскую я фактически уже сделал. Ф.Н. возражать не стал, и через полтора месяца, представив сделанную работу в качестве диссертации, я перешел на золоторудную тематику.

Стараясь научить нас самостоятельно ставить и решать научные проблемы, Ф.Н., обсуждая предлагаемые собеседником решения, часто выдвигал альтернативные варианты. Вспоминается эпизод, происшедший с В.П. Ковалёвым, одним из наших сотрудников. В рукописи первого варианта статьи, которую тот дал на просмотр Феликсу Николаевичу, автор показывал, что на обследованном объекте был проявлен прогрессивный метаморфизм. Ф.Н. ему возразил: «Почему прогрессивный, а не регрессивный?» Во втором варианте статьи, с уже исправленными своими «представлениями», он снова «напоролся» на возражения Ф.Н., но уже противоположного характера – Виктор Прокофьевич был очень расстроен.

Феликс Николаевич щедро делился с нами своими знаниями и мыслями, щедро и совершенно бескорыстно, если можно так выразиться. Он

тратил на нас, на обсуждение статей много времени, но не считал возможным быть соавтором. Говорил, что его долг как заведующего – помогать нам. Вероятно, в этом проявилась его высокая, до щепетильности, требовательность к себе. Может быть, честь офицера?

Он писал немного, но какими удивительно четкими и лаконичными фразами написаны его работы! Он учил нас, что публиковать свои материалы надо лишь тогда, когда понимаешь, что не сделаешь этого – будешь корить себя всю оставшуюся жизнь. Формальный рейтинг его по нынешним меркам был бы невысоким. Качество научных разработок он считал значительно важнее

И.П. Молочаев, Ф.Н. Шахов с супругой З.П. Знаменской на отдыхе в окрестностях Академгородка. 1961 г.

количества статей. Феликс Николаевич учил нас, что даже в самой, казалось бы, неинтересной работе надо видеть элементы творчества. По поводу «высокой продуктивности» одного из геологов, у которого за год якобы вышло семь серьезных статей (прозвучала фраза: «У него большая научная продукция»), Ф.Н. при обсуждении заметил: «Написать столько серьезных научных работ за год – невозможно. Это не научная продукция, а научная дизентерия!»

Если он на кого-то обижался (как правило, за серьезный и этический проступок), то демонстративно делал вид, что не замечает его. Для нас это было очень большим наказанием, и мы всячески старались исправиться и реабилитировать себя в его глазах. Одно время я был парторгом у нас в отделе геохимии, а в те годы это почти «политрук» у Ф.Н. Шахова. Ко мне нередко обращались молодые коллеги, чтобы я им помог что-то «оправдательное» довести до сведения профессора.

Феликс Николаевич был непритязательным и скромным человеком. Званием профессора он дорожил очень высоко. Никогда не просил о какой-то услуге для себя, хотя все мы готовы были с радостью услужить своему любимому профессору. Меня поразил такой случай. В одну из холодных зим что-то случилось с отоплением – то ли отключили, то ли еще что-то. Я зашел к нему домой по производственному вопросу и увидел, что они с супругой Зинаидой Павловной сидят в холодной квартире, закутавшись в верхнюю одежду. А на кухне у них была установлена комбинированная плита-печка, которую можно было топить и дровами. Я был поражен. Как это? Сам Феликс Николаевич мерзнет, и никто из нас не знает об этом. Я спустился в подвал, нарубил дров из каких-то выброшенных ящиков. Растопил печку, и устроили на кухне «Ташкент». Мне потом не раз приходил на ум этот казус: один среди толпы людей, причем людей, для которых Ф.Н. далеко не безразличен!

Юрий Алексеевич Кузнецов. В частной обстановке мне довелось встретиться с Юрием Алексеевичем дважды и оба раза на соревнованиях. Первый раз – на стрелковом стенде. Команда нашего института, в которую входили Ю.А., я и мой сын Володя – ученик восьмого класса, заняла призовое третье место. Второй раз – тоже на спортивных соревнованиях, но только не людей, а охотничьих собак. Меня с моим курцхааром Тимом пригласил Ю.А., потому что Тим был щенком его собаки Рады. А для того чтобы Рада получила очередную медаль, нужны были определенные успехи ее потомства. Скажу сразу, что мы с Тимом не оправдали надежд Юрия Алексеевича. Я тренировал Тима на перепела (боровая дичь), а соревнования проходили на дупеля (болотная дичь). К моему огорчению, наш выход закончился большим конфузом.

После определенного отрезка нашего охотничьего пути один из проверяющих собирался уже снять нас с соревнований, но второй его остановил, заметив, что собака закрутилась, и, видимо,

Г.В. Нестеренко с Тимом, верным другом и надежным помощником в охоте, но не на соревнованиях

К.г.-м.н. Р.М. Слободской (1930–1979)

решив, что она почуяла дичь. А в действительности мой Тим покрутился перед тем, как устроиться по большой нужде. В итоге экзамен завалили. Но Ю.А. воспринял это спокойно. Мне же запомнились его простота и отсутствие всякого чванства в обиходе. Он, например, не побрезговал попробовать Радиной каши, причем из ее же миски.

И еще один, правда «заочный», штрих. Как-то в воскресный день на Морском проспекте мне встретился Роман Слободской. Он так и светился. Я обратил внимание на его «сияние» и спросил: «Что случилось?» В ответ он сказал, что идет от Юрия Алексеевича, и показал рукопись своей статьи о роли металлоорганических соединений в процессах рудообразования, которую отдавал ему на просмотр. На ней была одна виза: «Молодец!» Мы знаем, что эта статья была новаторской и вызвала массу положительных отзывов геологической общественности.

Александр Леонидович Яншин. За пару дней до моего возвращения из очередной командировки в ГИН, узнав о дате вылета и номере моего рейса, меня попросили сопроводить А.Л. Яншина в полете до Новосибирска. Он был серьезно болен сахарным диабетом, и присмотр за ним был необходим. Я, естественно, согласился и, более того, отнесся к этому поручению очень ответственно, потому что слышал о таком случае. Наша сотрудница Ирина Ивановна Задкова, находясь в командировке в Москве, шла по Кутузовскому проспекту и увидела лежащего без сознания на тротуаре Александра Леонидовича (недалеко от его дома). Все проходили мимо, думая, что это пьяный, а на самом деле у него была кома – острый приступ диабета.

За время недолгого общения я был свидетелем его необыкновенной собранности, четкой организованности и ясности ума. За четыре часа ночного полета Александр Леонидович: 1) очень внимательно выслушал мои представления о готовящейся докторской диссертации и дал ряд ценных и совершенно конкретных советов; 2) внимательно прочитал автореферат чьей-то кандидатской диссертации и написал на него подробный отзыв; 3) продумал и набросал план своего доклада на утреннем заседании серьезного совещания. Сразу же по приезду доклад был сделан, как всегда блестяще, – готовая к печати откорректированная статья была оглашена хорошо поставленным четким громким голосом.

Нестеренко Глеб Васильевич – доктор геол.-мин. наук, вед. науч. сотрудник ИГМ, ветеран ИГиГ (работает с 1958 г.)